

УДК 81'316.772.2

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2026-16-2-70-82>

Когнитивно-дискурсивный анализ диалога терциарной речи с молчащим наблюдателем

В. Н. Бабаян¹ ✉

¹ Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ул. Республиканская, д. 108/1, г. Ярославль 150000, Российская Федерация

✉ e-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Резюме

В статье исследуется значительная роль молчащего наблюдателя (МН) в диалоге терциарной речи, подразумевающей участие в диалоге двух его активных участников – адресанта и адресата – и МН как «пассивного» участника этого диалога, влияющего на речевое и невербальное поведение коммуникантов, на содержание и форму создаваемого ими диалога в триаде.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и описании важной роли эксплицитного МН в формируемом его «пассивным» участием диалоге терциарной речи и языкового выражения присутствия МН и его влияния на содержание и форму создаваемого всеми тремя – активными и пассивным участниками – адресантом, адресатом и МН – диалога в триаде.

Методы. В работе над статьей предпринят метод моделирования диалогов терциарной речи с учетом роли МН, метод когнитивно-дискурсивного анализа, лингвистического контекстуального, семантического, коммуникативного, прагматического и социо-психолингвистического анализа. Эмпирическим материалом статьи явились русскоязычный и англоязычный диалоги терциарной речи из романов М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» и Синклера Льюиса «Бэббит» (Sinclair Lewis. Babbitt).

Результаты исследования. Выявлена и описана существенная роль эксплицитного молчащего наблюдателя (ЭМН) в художественном диалогическом дискурсе, благодаря роли которого диалог в диаде преобразуется в диалог в триаде, т. е. диалог терциарной речи, а также исследованы языковые средства выражения присутствия МН в диалоге терциарной речи, учет которых позволяет раскрыть новые и более глубокие аспекты диалога терциарной речи.

Заключение. Актуальность исследуемой темы объясняется повышенным интересом к художественному диалогическому дискурсу в современной лингвистике, а также малой изученностью диалога терциарной речи МН с позиции когнитивно-дискурсивного подхода.

Ключевые слова: диалог; адресант; адресат; молчащий наблюдатель; диалог в триаде; терциарная речь; когнитивно-дискурсивный анализ.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бабаян В.Н. Когнитивно-дискурсивный анализ диалога терциарной речи с молчащим наблюдателем // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2026. Т. 16, № 2. С. 70–82. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2026-16-2-70-82>.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026

Статья подписана в печать 26.05.2026

Статья опубликована 29.06.2026

Cognitive and discourse analysis of a tertiary speech dialogue with a Silent Bystander

Vladimir N. Babayan¹ ✉

¹ Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
108/1, Respublikanskaya Str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

✉ e-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Abstract

The article considers the important role of a Silent Bystander (SB) in a tertiary speech dialogue, which implies the participation of two active participants of a dialogue – the addresser and the addressee – and SB as a "passive" participant, who influences both the interlocutors' verbal and non-verbal behaviour as well as the content of their talk and thus a tertiary speech talk is formed.

The relevance of the undertaken research consists in the increasing interest in the role of the Silent Bystander who seems to be playing the role of "a passive party of a two-person talk" thus influencing the form and content of the tertiary dialogical discourse. So all the three parties of the dialogue – the two interlocutors and the Silent Bystander – are considered to be the producers of the tertiary dialogical discourse.

Methods. The method for modeling tertiary speech dialogue including the Silent Bystander, the cognitive and discourse analysis method and the method of contextual, semantic, communicative, pragmatic, and socio-psycholinguistic analyses are used. The empirical material for this research is presented by Russian and English tertiary speech dialogues from the novels "The Golovlyov Family" by M.E. Saltykov-Shchedrin and "Babbitt" by Sinclair Lewis.

Results. As a result of the study, the significant role of the explicit Silent Bystander (ESB) in the fictional dialogic discourse is identified and described, due to the ESB's role the dialogue in a dyad is transformed into a dialogue in a triad, i.e., a dialogue of tertiary speech, and the linguistic means of expressing the ESB's presence in the tertiary speech dialogue are also studied, that allows us to discover new and deeper aspects and nuances of a tertiary speech dialogue.

Conclusion. The relevance of the research under study is explained by the increased interest in fictional dialogic discourse in modern linguistics and the necessity of a more detailed and thorough study of a tertiary speech dialogue produced in the SB's presence from the position of the cognitive and discourse approach.

Keywords: dialogue; addresser; addressee; silent bystander; a tertiary speech dialogue; dialogue in a triad; cognitive and discourse analysis.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Babayan V.N. Cognitive and discourse analysis of a tertiary speech dialogue with a Silent Bystander. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2026; 16(2): 70–82 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2026-16-2-70-82>.

Received 13.04.2026

Accepted 26.05.2026

Published 29.06.2026

Введение

Диалог представляет собой акт коммуникации двух его сторон – *адресанта*, т. е. отправителя сообщения и его *адресата*, т. е. его получателя. Такой тип коммуникативного акта можем назвать *мини-диалогом* или же *диалогическим единством*, предполагающим вопросно-ответный тип общения. Однако часто подобное двустороннее общение может продолжаться, выходить за рамки диало-

гического единства и в конечном итоге формируется полноценный диалог с двумя коммуникантами (К), собеседниками.

На сегодняшний день выделяют множество типов диалогического акта коммуникации с различными взаимоотношениями *высказываний-реплик* адресанта и адресата сложившейся коммуникативно-речевой ситуации [1, 2]. В процессе анализа *высказываний-реплик* коммуникантов определенного диалога, ис-

следователь может наблюдать и делать выводы об их отношении друг к другу. Отметим, что это *многообразие отношений между его активными сторонами сводится к следующему*:

1. Адресант и адресат могут быть единоклубны, они оба могут быть настроены на общий лад, т.е. коммуниканты в процессе формирования диалога соглашаются между собой. В таком случае принято говорить об *успешной коммуникации*.

2. Адресант и адресат диалога могут быть друг для друга «сомнительны», т.е. коммуниканты чужие друг для друга, они не доверяют друг другу, разобщены и настроены на общение по-разному. В подобном случае говорят о *провале акта коммуникации*.

3. Адресант может зависеть от адресата диалога, в таком случае в процессе общения он ждет от адресата каких-либо действий в ответ на свои слова, высказывания-реплики. Другими словами, адресант, каждый раз направляя свое высказывание-реплику адресату, следит за его реакцией, он осторожен в отборе лексического наполнения своих высказываний-реплик, бдителен, и строит очередное высказывание-реплику в зависимости от реакции своего собеседника.

4. И наоборот, адресат может зависеть от адресанта акта коммуникации, поскольку последний уже совершил какое-то действие [3, с. 124].

Кроме вышеприведенных типов взаимоотношений адресанта и адресата в процессе диалогического акта коммуникации, анализируя *высказывания-реплики* этих продуцентов двустороннего диалога, исследователь может наблюдать и делать определенные выводы об их отношении к предмету разговора, об обоюдном желании/нежелании коммуникантов решить какую-либо проблему и о других аспектах, характеризующих *интенции говорящих, их цель, мотивы, стратегии* и мно-

гое другое, чему в настоящее время посвящено множество довольно интересных и фундаментальных исследований как отечественных [4, 5, 6, 7, 8, 9, 2, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18], так и зарубежных [19, 20, 21, 22 и др.] исследователей, занимающихся проблемами диалогического дискурса.

Роль эксплицитного МН в диалоге терциарной речи значительна, исследователь обязан включить его в состав продуцентов диалога и анализировать созданное всеми участниками речевого произведения в виде диалога терциарной речи – активными и «пассивным» – с учетом присутствия этого молчащего участника, в чем состоит **новизна данной работы**. Помимо того, в диалогах терциарной речи с МН часто возникают некие объединения, т.н. «альянсы» двух его сторон против третьей. Как показал анализ эмпирического материала, в альянс могут входить не только сами коммуниканты и выступать против МН. МН и сам может создавать альянс с одним из коммуникантов против второго коммуниканта. Присутствие МН в диалоге, отношения между коммуникантами и к самому МН, а также альянс находят свое языковое выражение, что представляется возможным выявить при когнитивно-дискурсивном подходе к анализу диалогического дискурса.

Результаты и обсуждение

В представленных в статье диалогах в триаде и высказываниях-репликах адресанта и адресата, а также в авторских ремарках, указывающих на важные реакции участников диалогического дискурса, жирным курсивом выделены слова, словосочетания и целые высказывания-реплики, на которые следует обратить внимание. Выделенное в тексте диалога указывает на речевое и неречевое поведение всех сторон диалогического общения в конкретный момент произнесения

высказываний-реплик и на создавшуюся коммуникативно-речевую ситуацию.

О диалоге терциарной речи или диалоге в триаде

Далее речь пойдет о совершенно ином типе диалога, так называемом «*диалоге терциарной речи*» или «*диалоге в триаде*», подразумевающим диалогический акт коммуникации, который состоится в присутствии третьего участника – молчащего наблюдателя (далее МН) [7]. Представляется интересным проследить за воздействием этого молчащего третьего участника диалога, эксплицитного МН, на речевое и невербальное поведение активных участников диалога – адресанта и адресата – и за ходом всего диалога терциарной речи в условиях коммуникативной триады в целом.

Таким образом, диалог в *диаде* с участием третьей стороны, эксплицитным МН, преобразуется в «диалог в *триаде*», т.е. в «*диалог терциарной речи*» с МН. Очевидно, что «диалог в *триаде*» или «*диалог терциарной речи*» с МН сильно отличается от диалога в *диаде*, в котором участвуют непосредственно два коммуниканта. С введением МН в диалогический акт коммуникации коренным образом меняется и конкретная коммуникативно-речевая ситуация в целом, подвергается изменениям весь ход формирования диалога, теперь адресант и адресат вынуждены учитывать присутствие МН. Последний в зависимости от множества разнообразных факторов может играть различную роль в созданном им триадном диалоге: МН может как способствовать продолжению диалога (*успешная коммуникация*), так и привести к его завершению (*провал коммуникации*). В последнем случае МН представляет своеобразный психологический барьер, мешающий коммуникантам продолжать ведение диалога. Кроме того, присутствие МН при разговоре двоих партнеров по общению может привести к так называемому

«переключению языкового кода» в процессе ведения диалога, либо к смене темы разговора его активными сторонами [2, с. 69-75]. Итак, как показывают результаты исследования, с включением эксплицитно присутствующего МН (ЭМН) в диалог, в нем наблюдаются значительные изменения как во взаимоотношении адресанта и адресата, так и в отношении обоих коммуникантов к этому третьему молчащему участнику, МН.

Альянс двух участников диалога терциарной речи против третьего

В процессе создания диалога терциарной речи с ЭМН нередко можно заметить, как два его участника объединяются, т.е. создают некий альянс, против третьей стороны диалога. Причем этот альянс по своему составу может включать в себя не только активных участников диалога – адресанта и адресата. В процессе диалога могут объединяться один из двоих коммуникантов и присутствующий при разговоре МН против второго коммуниканта. Подобные альянсы участников диалога терциарной речи можно схематически представить следующим образом (K1 и K2 – коммуниканты, МН – молчащий наблюдатель):

$$\begin{aligned} K1 + K2 &> \text{МН} \\ K1 + \text{МН} &> K2 \\ K2 + \text{МН} &> K1 \quad [1]. \end{aligned}$$

Кроме того, как показал анализ эмпирического материала, – диалоги в триаде с эксплицитным МН, отобранные из произведений художественной литературы, – каждая из трех сторон диалога терциарной речи может быть представлена не одним лицом, а группой лиц, что, с одной стороны, еще более осложняет вышеприведенную схему, и исследователю приходится еще более углубляться в создаваемые подобные диалоги и во взаимоотношения между его активными и «пассивным/пассивными» сторонами. С другой стороны, это делает подобный

диалог уникальным и требует особого когнитивно-дискурсивного подхода к его анализу.

В таком случае и альянсы могут образовываться весьма разнообразные. Кроме прочего, интересно выяснить, каким образом и посредством каких лингвистических средств данные альянсы в диалоге находят свое выражение.

Рассмотрим вышесказанное на конкретных диалогах в триаде, взятых из русскоязычных и англоязычных романов. Заметим, что М.М. Бахтин в своих работах писал о том, что диалог художественных произведений представляет классическую форму вербальной коммуникации. Диалог является достоверным эмпирическим материалом для исследования и описания разговорной речи. Именно каждое высказывание (реплика) диалога характеризуется смысловой завершенностью, выражает позицию каждого из участников диалогического акта общения. На каждое высказывание-реплику коммуниканта в диалоге можно дать ответ [23, с. 250]. Отметим, что реакция партнера по диалогу на полученное высказывание-реплику коммуниканта может быть как вербальной, так и невербальной.

(1) Наглядной иллюстрацией диалога в триаде с эксплицитным МН является глава «Недозволенные семейные радости» романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», в которой описан эпизод, повествующий о том, что, узнав о беременности Евпраксеюшки, новой экономки Порфирия Владимировича (Иудушки), вечером того же дня, за чаем, Арина Петровна (мать Порфирия Владимировича, Иудушки, К1.) подшучивала над Иудушкой (К2) в присутствии Евпраксеюшки (ЭМН):

«— Смиреник-то наш! смотри, какую штуку удрал! Уж, и взаправду, не ветром ли крале-то твоей надуло? Ну, брат, удивил!

Иудушка сначала брезгливо пожмался при маменькиных шуточках, но убедившись, что Арина Петровна говорит «по-родственному», «всей душой», — сам мало-помалу повеселел.

— Проказница вы, маменька! право, проказница! — шутил и он в свою очередь; но, впрочем, по своему обыкновению, отнесся к предмету семейного разговора уклончиво.

— Чего «проказница»! серьезно об этом переговорить надо! Ведь это — какое дело-то! <...> Ты как думаешь: здесь, что ли, ей рожать велишь или в город повезешь?

— Не знаю я, маменька, ничего я, душенька, не знаю! — уклонился Порфирий Владимирович, — проказница вы! право, проказница!

— Ну, так постой же, сударка! Ужо мы с тобой на прохладе об этом деле потолкуем! И как, и что — все подробно определим! А то ведь эти мужчины — им бы только прихоть свою исполнить, а потом отдувайся наша сестра за них, как знает!» (выделено нами. — В. Б.)¹.

В исследуемом диалоге терциарной речи помимо активных членов — Арины Петровны (К1) и ее сына Порфирия Владимировича (К2) — наблюдаем и так называемого в настоящей работе «пассивного» участника диалога, эксплицитного МН, Евпраксеюшку. Заметим, что Евпраксеюшка (ЭМН) является не случайным и не обычным участником данного акта коммуникации. По содержанию диалога замечаем, что Евпраксеюшка (ЭМН) является **темой** и **поводом** настоящего двустороннего речевого обмена, к ней даже в конце своей речи напрямую обращается сама Арина Петровна (К1), инициатор данного диалога, однако реак-

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы // Собрание сочинений в десяти томах. М.: Издательство «Правда», 1988. Т. 6. С. 197–198.

цию этого эксплицитного МН автор никак не показывает, то есть она так и остается молчащим участником и свидетелем разговора матери с сыном. Следует также отметить, что своим прямым обращением к беременной эконолке (Евпраксеюшке, ЭМН) в присутствии Порфирия Владимировича (К2), своего сына, Арина Петровна создает *альянс* по гендерному признаку (женщины) против мужчин в лице своего сына Порфирия Владимировича. Далее внимательный читатель замечает, что, обращаясь к Евпраксеюшке (ЭМН), хозяйка дома, Арина Петровна (К1), в своем высказывании-реплике называет ее «сударка», которое является устаревшим словом, обозначающим ласковое обращение к женщине (девушке); далее, говоря о ней же, Евпраксеюшке (ЭМН), Арина Петровна (К1) называет ее ласкательным словом «кряля» (возлюбленная; любовница).

Создавшийся акт коммуникации *по признаку цели* представляет собой *координативный диалог* по В. Франке [24, р. 89], поскольку коммуникант в лице Арины Петровны (К1) направляет свои высказывания-реплики своему сыну Порфирию Владимировичу (К2), а также одновременно присутствующему МН в лице Евпраксеюшки (ЭМН). Далее, как видим, Арина Петровна (К1) обращается с претензиями к своему сыну Иудушке (К2), пытаясь как-то решить им же созданную проблему.

Обращает на себя внимание как речевое, так и невербальное поведение всех участников исследуемого диалогического дискурса терциарной речи. Мать Порфирия Владимировича Арина Петровна (К1) упрекает сына (К2) и подшучивает над ним в присутствии Евпраксеюшки (ЭМН): «...смотри, какую штуку удрал! <...> ...не ветром ли крале-то твоей надуло?». В создавшейся ситуации Арина Петровна (К1) чувствует себя хозяйкой положения, властвует, ведет себя вольно,

может пожурить сына, поучает его, дает наставления даже в присутствии третьих лиц и т. п. В свою очередь, Порфирий Владимирович (К2), чувствуя свою вину и побаиваясь матери, как описывает сам автор романа, «...сначала брезгливо пожимался». Далее, осознав причины такого властного и жесткого поведения своей матери, ее истинное отношение ко всему происходящему, Порфирий Владимирович (К2) тоже решает, как и его мать, подшутить. Обращаясь к матери с уважением на «вы» и ласково называя ее «маменька», Иудушка шутливо называет ее «проказницей». Но, несмотря на это, Арина Петровна, осознавая серьезность всего происходящего в ее доме, все же одергивает Порфирия Владимировича, призывает его адекватно, правильно и соответственно подойти к решению этой созданной им же самой проблемы и говорит сыну, что им следует серьезно поговорить об этом позже. Видимо, Арина Петровна все же считает, что лучше со своим сыном поговорить по-другому в отсутствие Евпраксеюшки (ЭМН), наедине, то есть можем сказать, что в данный момент ведения разговора именно ЭМН в лице Евпраксеюшки представляет собой некий *психологический барьер* в акте диалогической коммуникации матери с сыном.

Далее М.Е. Салтыков-Щедрин показывает, как сам Порфирий Владимирович (К2), будучи вполне взрослым человеком, владельцем имения Головлевых, никак не может решить созданную им проблемную ситуацию, не знает, что делать и как ему поступить, он, как всегда, ждет пока кто-нибудь сделает это за него. Порфирий Владимирович привык к такому положению дел в его семье. На вопрос Арины Петровны, обращенный к Порфирию Владимировичу, где Евпраксеюшка (ЭМН) собирается рожать: у них в деревне или в городе, тот уклончиво отвечает, что не знает. Поэтому Арина Петровна, его по-

жилая мать, и берет на себя решение этой семейной проблемы.

Схему диалога терциарной речи представим следующим образом:

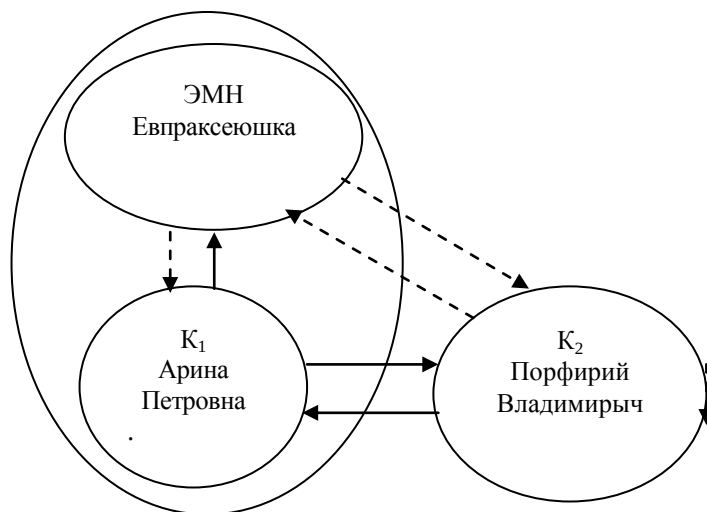


Рис. 1. Схема триады из романа «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина

Fig. 1. The scheme of a triad from the novel "The Coloulyovs" by M.E. Saltykov-Shchedrin

В исследуемом диалоге терциарной речи между Ариной Петровной (К1) и Евпраксеюшкой (ЭМН) наблюдается *альянс* двух его сторон против третьей в лице Порфирия Владимыча (К2), основанный, как видим, *по гендерному принципу* (женщины против мужчин) (рис. 1). Данный альянс можем обозначить следующей формулой: $K1 + \text{ЭМН} > K2$.

В данном диалоге терциарной речи роль эксплицитного МН в лице Евпраксеюшки (ЭМН) довольно важна и при анализе такого диалога исследователь обязан учитывать присутствие этого молчащего участника, поскольку разговор без ее участия мог бы не состояться вообще или же принял бы другое содержание и форму.

(2) В главе X части 1 романа Синклера Льюиса «Бэббит» (Sinclair Lewis. *Babbitt*) есть эпизод, в котором представлен визит мистера Джорджа Ф. Бэббита и его супруги Майры к Полю и Зилле Рислинг. Бэббиты и Рислинги устроились в тесной гостиной Рислингов. Джордж Ф. Бэббит и его супруга Майра собирались поговорить о поездке в Мэн. Однако как только миссис Бэббит заинтересовалась у Зиллы Рислинг, устал ли ее супруг

Поль после зимней работы настолько же сильно, как ее муж Джордж Бэббит, Зилла (К1) в присутствии гостей (Джорджа Ф. Бэббита и Майры, ЭМН) «вспомнила все обиды» и обрушилась на своего супруга Поля Рислинга (К2), говоря о нем в 3-ем лице, словно в его отсутствие:

«**“Does he get tired? No, <...>, he just goes crazy, that’s all! You think Paul is so reasonable, oh, yes, and he loves to make out he’s a little lamb, but he’s stubborn as a mule. Oh, if you had to live with him –! You’d find out how sweet he is! He just pretends to be meek so he can have his own way. And me, I get the credit for being a terrible old crank, but if I didn’t blow up <...> and get something started, we’d die of dry-rot. He never wants to go any place and – <...>**

“Oh, cut it, cut it, Zill!” Paul groaned. “We all know I’m a mollycoddle, and you’re a tender bud, and let’s let it go at that.”

“Let it go?” Zilla’s face was wrinkled like the Medusa, her voice was a dagger of corroded brass. <...> she exulted in the opportunity to be vicious in the name of virtue. “Let it go? If people knew how many things I’ve let go –”

"Oh, quit being such a bully."

"Yes, a fine figure you'd cut if I didn't bully you! You'd lie abed till noon and play your idiotic fiddle till midnight! You're born lazy, and you're born shiftless, and you're born cowardly, Paul Riesling –"

"Oh, now, don't say that, Zilla; you don't mean a word of it!" protested Mrs. Babbitt.

"I will say that, and I mean every single last word of it!"

"Oh, now, Zilla, the idea!" Mrs. Babbitt was maternal and fussy. <...> **"The idea of talking to poor Paul like that!"**

"Poor Paul is right! We'd both be poor, we'd be in the poorhouse, if I didn't jazz him up!" **"The idea of talking to poor Paul like that!"**

"Why, now, Zilla, Georgie and I were just saying how hard Paul's been working all year, and we were thinking it would be lovely if the Boys could run off by themselves. I've been coaxing George to go up to Maine ahead of the rest of us, and get the tired out of his system before we come, and I think it would be lovely if Paul could manage to get away and join him."

At this exposure of his plot to escape, Paul was startled out of impassivity. He rubbed his fingers. His hands twitched.

Zilla bayed, "Yes! You're lucky! You can let George go, and not have to watch him. Fat old Georgie! Never peeps at another woman! Hasn't got the spunk!"

"The hell I haven't!" Babbitt was fervently defending his priceless immorality when Paul interrupted him – and Paul looked dangerous. He rose quickly; he said gently to Zilla: **"I suppose you imply I have a lot of sweethearts."**

"Yes, I do!"

"Well, then, my dear, since you ask for it– There hasn't been a time in the last ten years when I haven't found some nice little girl to comfort me, and as long as you continue your amiability I shall probably continue to deceive you. It isn't hard. You're so stupid."

Zilla gibbered; she howled; words could not be distinguished in her slaver of abuse. Then the bland George F. Babbitt was transformed. <...> He leaped up. He seemed very large. He seized Zilla's shoulder. The cautions of the broker were wiped from his face, and his voice was cruel:

"I've had enough of all this damn nonsense! I've known you for twenty-five years, Zil, and I never knew you to miss a chance to take your disappointments out on Paul. You're not wicked. You're worse. You're a fool. <...> Who the hell are you that a person like Paul should have to ask your permission to go with me? <...> You fool, can't you see how people snicker at you, and sneer at you?"» (выделено нами. – В. Б.)¹.

В исследуемом акте коммуникации, как видим, миссис Рислинг, недовольная своим супругом Полем, набрасывается на него, устраивает скандал в присутствии гостей мистера Джорджа Ф. Бэббита и его супруги Майры. Диалог-скандал, приведенный в данном отрывке романа, состоит в психологически очень жесткой и эмоционально напряженной атмосфере, что замечаем в высказываниях-репликах активных участников терциарной речи – миссис и мистера Рислингов (К1 и К2) (выделено в тексте), а также в авторских ремарках о них обоих и о сложившейся ситуации в целом.

В процессе исследуемого диалога-скандала супругов Зиллы и Поля Рислингов в присутствии Джорджа и Майры Бэббитов последняя, миссис Бэббит, чувствуя себя неловко в данной ситуации и, понимая, что при гостях так вести себя не следует, одергивает Зиллу. Миссис Бэббит говорит Зилле Рислинг о своем намерении отпустить Джорджа и Поля в Мэн отдохнуть. На это Зилла отвечает отказом, выражая недоверие своему супругу. Зилла говорит Майре Бэббит, что ей ве-

¹ Sinclair Lewis. Babbitt. Toronto: George J. McLEOD, Limited, 1922. P. 132–136.

зет, она может доверять своему мужу Джорджу Бэббиту и ей не приходится наблюдать за ним и подозревать в изменах, чего сама Зилла не может сказать о своем муже.

Внимательный читатель замечает, что если в самом начале спора Поля и Зиллы Джордж Ф. Бэббит представлен в роли молчащего третьего участника диалога, то в конце исследуемого акта коммуникации мистер Бэббит становится еще одним его активным участником, не выдержав нападок Зиллы на его друга Поля.

Интересно заметить, что Джордж и Майра Бэббиты меняются поочередно ролями: в начале разговора молчащим наблюдателем выступает мистер Бэббит, который, как уже было отмечено, своим негодованием превращается в активного члена триады. В конце же анализируемого диалога-скандала роль МН переходит к его супруге Майре. Теперь за Поля Рислинга заступает его друг Джордж.

Можем говорить и об *альянсе* супругов Бэббитов (Майры и Джорджа) с Полем Рислингом против Зиллы. Этот альянс находит свое выражение как в психологическом, так и в языковом плане. Во-первых, Майра и Джордж Бэббиты приходят в гости к Рислингам с одной целью – уговорить Зиллу отпустить своего мужа в поездку в Мэн вместе с Джорджем Бэббитом. Во-вторых, в процессе всего акта коммуникации-скандала Зилла всячески придирается к своему мужу Полю, обвиняет Поля во всяких делах, в неподобающем поведении, унижает его в присутствии гостей и др., а чета Бэббитов, как может, заступает за Поля, постоянно одергивают Зиллу, велют ей прекратить вести себя таким образом. В-третьих, альянс супругов Бэббитов против Зиллы Рислинг наблюдаем и в высказываниях-репликах Майры и Джорджа Бэббитов.

Схему анализируемого диалога в триаде с эксплицитным МН представим следующим образом (рис. 2).

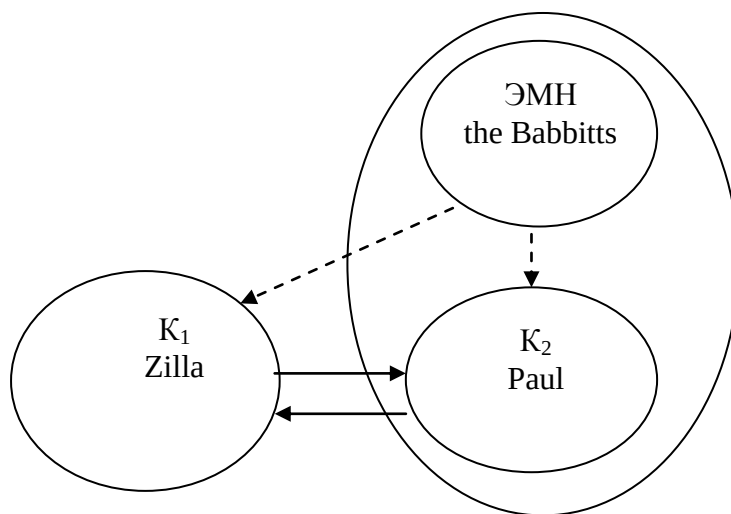


Рис. 2. Схема триады из романа «Бэббит» Синклера Льюиса

Fig. 2. The scheme of a triad from the novel "Babbitt" by L. Sinclair

По *внешней форме диалога и характеру протекания* анализируемого акта коммуникации данный диалог терциарной речи можно отнести к *асимметричному* типу диалога по В.И. Карасику [25] и И.А. Стернину [26] и к *компетитивному типу диалога*

по В. Франке [24, р. 89]. По *степени вовлеченности коммуникантов в процесс ведения акта коммуникации* в ходе своего формирования исследуемый диалог представляет собой особый тип диалога – *диалог-мультилог* по Д. Кристалу [27, р. 297].

Важно заметить, что в исследуемом типе диалога-скандала терциарной речи наблюдается альянс двух его сторон против третьей: АЧТ2 + ЭМН > АЧТ1.

Выводы

В обеих представленных моделях триадного диалога с эксплицитным МН складывается психологически сложная и эмоционально напряженная атмосфера, что находит свое отражение как в репликах самих коммуникантов – адресанта и адресата, – так и в авторских ремарках (выделено жирным курсивом в тексте представленных диалогов). Кроме того, в исследуемых диалогах терциарной речи с МН по-разному ведут себя как сами коммуниканты, так и присутствующие эксплицитные МН. Однако считаем важным отметить, что если в первом диалоге терциарной речи из романа «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина эксплицитный МН представлен одним лицом, Евпраксеюшкой (МН), то во втором диалоге в триаде из романа «Бэббит» Синклера Льюиса роль эксплицитного МН выполняют два лица – семейная пара Джордж и Майра Бэббиты. Причем следует подчеркнуть, что эти два МН в конце диалогов терциарной речи поочередно превращаются в коммуникантов, реагируя на высказывания-реплики активных участников разговора. Помимо того, в обоих диалогах терциарной речи наблюдаем альянс одного из коммуникантов (К) с эксплицитно присутствующим МН против другого коммуниканта (К). Если сторонами диалога в триаде в первом случае являются представители одной семьи Головлевых, то во втором диалоге терциарной речи наблюдаем членов двух семей: Бэббиты и Рислинги. В первом диалоге

терциарной речи эксплицитный МН в лице Евпраксеюшки (МН) является *предметом, темой разговора* активных участников триадного диалога – Арины Петровны (К1) и Порфирия Владимировича (К2), а во втором диалогическом акте терциарной речи эксплицитный МН в лице семейной пары Бэббитов представляет сторону диалога, поддерживающую одного из коммуникантов, Поля Рислинга (К2). В обоих диалогах терциарной речи альянс очевиден (см. высказывания-реплики коммуникантов, авторские ремарки и др.).

Таким образом, можем с уверенностью утверждать, что роль третьей молчащей стороны диалога терциарной речи (МН) в сложившейся коммуникативно-речевой ситуации важна и значительна, поскольку в отсутствие МН анализируемый диалог мог либо вообще не состояться, либо этот диалог мог иметь другую форму и содержание. Учет присутствующего эксплицитного МН при разговоре двоих активных участников диалога (К) необходим и важен, поскольку МН так же, как и адресант и адресат, является неотъемлемым участником сложившейся коммуникативно-речевой ситуации. Другими словами, МН так же, как и активные участники диалогического акта коммуникации, является полноправным продуцентом создавшегося диалога в триаде. Следовательно, приходим к выводу о том, что анализ диалога в триаде с МН будет считаться неполным без учета присутствия МН в сложившейся коммуникативно-речевой ситуации. А исследование диалога терциарной речи в присутствии МН с позиции когнитивно-дискурсивного подхода позволяет раскрыть новые и более глубокие аспекты диалога терциарной речи, т.е. в коммуникативной триаде.

Список литературы

1. Бабаян В.Н. Дискурс как сложный коммуникативный феномен // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. № 4. С. 127-129.

2. Бабаян В.Н. О "переключении языкового кода" и смене темы разговора в диалогическом дискурсе терциарной речи // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 2(57). С. 68-78.
3. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994. 213 с.
4. Азнабаева Л.А. Принцип экспликации отношения в конвенциональном речевом поведении адресата // Филологические науки. 2002. № 3. С. 40–49.
5. Андреева Г.М., Яноушек Я. Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987. 302 с.
6. Антропоцентрическая направленность лингвистических исследований поликультурного военного и политического дискурса / под науч. ред. В.Н. Бабаяна; Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны. Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2020. 255 с.
7. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2005. 384 с.
8. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР: Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.
9. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 136–137.
10. Блох М.Я., Поляков С.М. Строй диалогической речи. М.: Прометей, 1992. 153 с.
11. Бобырева Е.В. Сравнительные характеристики инициальных и финальных реплик диалога в английском и русском языках // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград – Архангельск : Перемена, 1996. С. 149–161.
12. Винокур Т.Г. О языке современной драматургии // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Проза. М.: Наука, 1977. С. 130–197.
13. Григорян А.А. Дискурс и текст // Жанры и типы текстов в научном и медийном дискурсе. Орел, 26-27 февраля 2005 года / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел: Орловский гос. институт искусств и культуры, 2005. С. 16–22.
14. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. М.: АСТ : Восток – Запад, 2007. 256 с.
15. Колокольцева Т.Н. Современная диалогическая коммуникация и проблемы ее изучения // Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный выпуск Вестник КрасГУ. 2006. С. 56–66.
16. Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 100–115.
17. Купцов А.Е. Дискурсивные частицы в художественном тексте: Коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты. Ярославль, 2026. 183 с.
18. Мельникова К.А., Тюкина Л.А. Различные типы дискурса в современном языкознании. Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2022. 160 с.
19. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Философия языка / ред. Дж. Р. Сёрл: [пер. с англ.]. М., 2004. С. 35–55.
20. Burton D. Dialogue and Discourse. L.: Routledge & Kegan Paul, 1980. 210 p.
21. Dijk T.A. van. Introduction // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 3: Discourse and Dialogue. London etc., 1985. P. 2–7.
22. Goffman E. Forms of Talk. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1981. 336 p.
23. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
24. Franke W. Taxonomie der Dialogtypen: eine Skizze // Dialoganalyse. Referate der 1. Arbeitstagung. Munster, 1986. P. 86–101.
25. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.

26. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
27. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 499 p.

References

1. Babayan V.N. Discourse as a complex communicative phenomenon. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova = Bulletin of Kostroma State University. N.A. Nekrasov*. 2006;(4):127-129. (In Russ.)
2. Babayan V.N. On "language code switching" and changing the topic of conversation in the dialogical discourse of tertiary speech. *Inostrannye jazyki v vysshej shkole = Foreign languages in tertiary education*. 2021;(2):68-78. (In Russ.)
3. Rozenshtok-Hjussi O. Speech and reality. Moscow: Labirint; 1994. 213 p. (In Russ.)
4. Aznabaeva L.A. The principle of explication of the relationship in the conventional speech behavior of the addressee. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*. 2002;(3):40–49. (In Russ.)
5. Andreeva G.M., Janoushek Ja. Communication and optimization of joint activities. Moscow; 1987. 302 p. (In Russ.)
6. Babayana V.N., ed. Anthropocentric orientation of linguistic studies of multicultural military and political discourse. Jaroslavl': Cifrovaja tipografija; 2020. 255 p. (In Russ.)
7. Arnol'd I.V. Stylistics. Modern English. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk. Moscow: Flinta: Nauka; 2005. 384 p. (In Russ.)
8. Arutjunova N.D. The addressee factor. *Izvestija AN SSSR: Serija literatury i jazyka = Izvestia of the USSR Academy of Sciences: Series of Literature and Language*. 1981;40(4):356–367. (In Russ.)
9. Arutjunova N.D. Discourse. Linguistics. In: Jarceva V.N. (ed.) *The Great Encyclopedic Dictionary*. Moscow; 1998. P. 136–137. (In Russ.)
10. Bloh M.Ja., Poljakov S.M. The structure of dialogical speech. Moscow: Prometej; 1992. 153 p. (In Russ.)
11. Bobyreva E.V. Comparative characteristics of initial and final dialogue utterances in English and Russian. In: *Jazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty: Sbornik nauchnykh trudov / VGPU, PMPU = Linguistic personality: cultural concepts. A collection of scientific papers / VGPU, PMPU*. Volgograd – Arhangel'sk : Peremena; 1996. P. 149–161. (In Russ.)
12. Vinokur T.G. On the language of modern drama. In: *Jazykovye processy sovremennoj russkoj hudozhestvennoj literatury: Proza. = Language processes in modern Russian fiction: Prose*. Moscow: Nauka; 1977. P. 130–197. (In Russ.)
13. Grigorjan A.A. Discourse and text. In: *Zhanry i tipy tekstov v nauchnom i medijnom diskurse. = Genres and types of texts in scientific and media discourse*. Orel: Orlovskij gosudarstvennyj institut iskusstv i kul'tury; 2005. P. 16-22. (In Russ.)
14. Kashkin V.B. Fundamentals of communication theory. Moscow: AST : Vostok – Zapad; 2007. 256 p. (In Russ.)
15. Kolokol'ceva T.N. Modern dialogical communication and problems of its study. *Rechevoe obshhenie (Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshhenija) = Speech communication (Theoretical and applied aspects of speech communication)*. Speciaioizirovannyj vypusk Vestnik KrasGU. 2006; 56–66. (In Russ.)
16. Koltunova M.V. Conventions as a pragmatic factor in dialogical communication. *Voprosy jazykoznaniya. = Problems of linguistics*. 2004;(6):100–115. (In Russ.)

17. Kupcov A.E. Discursive particles in a literary text: Communicative-pragmatic and linguocultural aspects. Jaroslavl'; 2026. 183 p. (In Russ.)
18. Mel'nikova K.A., Tjukina L.A. Various types of discourse in modern linguistics. Jaroslavl': Izd-vo JaGTU; 2022. 160 p. (In Russ.)
19. Strosen P.F. Intention and Convention in Speech Acts. In: *Filosofija jazyka. = Philosophy of language*. Dzh. R. Sjol (ed.). Moscow; 2004. P. 35–55. (In Russ.)
20. Burton D. Dialogue and Discourse. London: Routledge & Kegan Paul; 1980. 210 p.
21. Dijk T.A. van. Introduction. Handbook of Discourse Analysis. Vol. 3: Discourse and Dialogue. London etc.; 1985. P. 2–7.
22. Goffman E. Forms of Talk. University of Pennsylvania Press, Philadelphia; 1981. 336 p.
23. Bahtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo; 1979. 423 p. (In Russ.)
25. Karasik V.I. Language of social status. Moscow: Gnozis; 2002. 333 p. (In Russ.)
26. Sternin I.A. Introduction to speech influence. Voronezh; 2001. 252 p. (In Russ.)
27. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press; 2005. 499 p.
24. Franke W. Taxonomie der Dialogtypen: eine Skizze. Dialoganalyse. Referate der 1. Arbeitstagung. Munster, 1986. P. 86–101.

Информация об авторе / Information about the Author

Бабаян Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Российская Федерация,
e-mail: vladimirbabayan@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-7044-3419

Vladimir N. Babayan, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Theory and Practice of Translation Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, e-mail: vladimirbabayan@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-7044-3419